

„Драматургия“ Сартра — проповедь человеконенавистничества

Читательница «Советского искусства» Г. Нестеренко (гор. Курск) обратилась в редакцию с просьбой ответить на вопрос: что характерно для «драматургии» французского реакционного писателя Сартра?

Среди реакционнейших авторов можно-крикливых литературных течений буржуазного Запада имя французского писателя Жюль-Поля Сартра занимает одно из первых мест. С головокружительной быстротой развернулась карьера этого своеобразного «властителя дум» всех поклонников растленной идеологии империализма. Сейчас Сартр особенно нужен его империалистическим хозяевам, в первую очередь империалистам США, ибо проповедуемый им полный аморализм человеческой личности служит наиболее подходящим идеологическим оружием современной реакции.

Убожество мысли Сартр скрывает за внешним разнообразием своих «драматургических» выступлений. Если каждому подлинно талантливому, передовому деятелю и писателю всегда были присущи многосторонность интересов и широкий кругозор, то жалким реакционным писателем свойственны хвастливое всезнайство и дилетантский универсализм. Таков и Сартр, нагло рекламирующий себя в качестве философа, беллетриста, драматурга и публициста, кроме того, на журналистско-издательском поприще.

Своими угодливыми приспешниками Сартр провозглашается создателем нового философского «учения», так называемого экзистенциализма, сформулированного им в книгах «Бытие и ничто» (1943) и «Экзистенциализм есть гуманизм» (1946). Однако в измышлениях Сартра нет абсолютно ни одной новой мысли, они представляют собой типичнейшую вариацию реакционного субъективного идеализма. Нетрудно указать на философских предшественников Сартра. Это — католический мракобес Маритен, финикийский ширислужник Хайдеггер, русский отщепенец беззачинный Бердяев, а также представители реакционной идеалистической философии XIX и начала XX вв.: Шопенгауэр, Кьеркегор, Гартман и Бергсон.

Экзистенциализм Сартра повторяет наиболее реакционные идеи философов-идеалистов, для которых мышлению человека предшествует его бытие.

Отрицая связь между явлениями, признавая **существование** (l'existence) понятием изначальным, исходным, предшествовавшим **сущности**, Сартр рассматривает тем самым каждую личность вне связи с окружающей действительностью. Человек обречен на одиночество, утверждает Сартр, он безгранично свободен и может преследовать любые цели. Здесь-то и скрывается реакционное, хищническое содержание индивидуалистической сартровской философии. Свобода личности, по Сартру, не что иное, как свобода империалистических человеконенавистников и эксплуататоров. Это, по существу, явная модернизация ницшеанской теории «сверхчеловека» и его тезиса «все дозволено».

Подобные же взгляды пропагандируются Сартром и в его «художественных» произведениях. В своих романах он наивно подчеркивает, что неизбежное одиночество свободной человеческой личности создает условия для формирования сильных, исключительных характеров. Но, как и следовало ожидать, в качестве своих героев Сартр выбирает истерических

маньяков с садистскими наклонностями.

По особенно откровенно и цинично проявились эти злобные реакционные взгляды Сартра в его драматургии. Хорошо понимая силу и возможность идейного воздействия сценического искусства, Сартр пытается использовать театр для наиболее эффективного и повсеместного распространения своих растленных взглядов.

Заоческим покровителем Сартра его пьесы приписывались особенно по вкусу. Их мнимая проблемность, аморальный облик героев, всегда готовых на преступления в своей иступленной, человеконенавистнической злобе, — во всем этом «идеологии» американского искусства увидели близкие, родственные черты. Сартровские спектакли протаскиваются на сценические подмостки и превозносятся как некое «новое слово» современного театра. Вслед за Америкой всемерно раздувается популярность драматургии Сартра во Франции, Англии, западных зонах Германии и других «маршаллизованных» странах.

В своей пьесе «Мухи», написанной в 1943 году, Сартр «обрабатывает» сюжетные ситуации трилогии Эсхила «Орестея». Величайшее классическое произведение не только осквернено им, но и подчтено грубой тенденциозности реакционных империалистических идей. Античные герои лишены конкретного исторического колорита, они вневременны и условны. Юнистер в драме Сартра выступает своеобразным древним идеологом экзистенциализма: он знает о том, что люди свободны, но вместе с тем признает ничтожество большинства людей, не смеющих воспользоваться своей неограниченной свободой, он презирает людей за их немощь и трусость. И вот Орест, воспитанный, по

Сартру, как типичный космополит — без веры, без родины, без семьи, «достигает» эту потенциальную свободу, открытую от людей Юнистером, и ополчается против морали и общества. Он совершает преступление материубийства не столько из чувства справедливого отмщения, сколько для иллюстрации тезиса Сартра, что сильной личности все дозволено: «И горд своим преступлением», «только трус раскисается».

В другой пьесе — «Победитель» (павестной в постановочной практике французских театров под названием «Смерть без погребения») — Сартр пытается дискредитировать движение Сопротивления во Франции и клеветнически изобразить борьбу французских партизан. Психологическая психология персонажей пьесы приводит к парализующей неволе дилких ситуаций. Во всей пьесе, наполненной надуманными извращениями, психологическими самоистязаниями и болезненными криками, нет ни слова о той великой миссии, которую были призваны выполнять и выполняли на деле французские партизаны, героически участвуя в движении Сопротивления. Автор всемерно стремится подорвать веру в возможность грядущей победы народа, борющегося за свое светлое будущее.

В одноактной пьесе «За закрытой дверью» также звучит пессимистический мотив: люди, не могущие обрести «свободу» в сартровском понимании, обречены на отчаяние и смерть. События пьесы происходят в наглухо закрытой комнате, где заключены три человека, — они не могут выйти оттуда, не могут разойтись и вынуждены постоянно быть вместе. Это не что иное, как аллегорическое изображение человеческой жизни, представляющейся Сартру адом. Жуткие подробности дополняют отчаяние действующих лиц: у них атрофированы веки и поэтому не могут закрыться глаза, им нельзя не видеть нежеланного, нельзя им на минуту отстаться с самим собой. Таким образом жизнь, общение с людьми объявляется неизбежным кошмаром, от которого человек никуда не может уйти.

Прямой антисоветский выпад и гнусный пасквиль — пьеса Сартра

«Грязные руки», где с поистине звериной ненавистью к пролетариату Сартр нагло клеветает на авангард рабочего класса — коммунистическую партию. В пьесе действуют больные и неуравновешенные люди, политическую ситуацию перемены с сексуальными мотивами. Выполнение ответственного партийного поручения колеблющимся и сомневающимся героем происходит не в результате осознания политического долга и чувства дисциплины, а вследствие привнесения любовного момента — плотской ревности.

Во Франции эта злобная и лживая пьеса вызвала единодушное возмущение и протест прогрессивных слоев французских зрителей.

У Сартра уже появились свои «подражатели». Порожнее, растлевающее влияние его драматургии захватывает в свою орбиту все большее количество театров. Тем более, что в этом ему охотно оказывают помощь американские империалисты. И вот он уже мнит себя «идеологом», родоначальником особого «направления» в искусстве. Он стремится проявить свои реакционные взгляды и в практической сфере. Живно разлагаясь, в об аполитичности, Сартр на деле готов к активной общественно-политической деятельности. К своим приятным лауреат «философа» и «художника» он пожелал, видимо, прибавить кличку политического авантюриста и этим завуалировать претензии на универсализм. Совсем недавно, в дни знаменитого конгресса сторонников мира, состоявшегося в Париже и в Праге, Сартр выступил с проектом организации контрконгресса, прислужнически выполняя задания заправил Уолл-стрит, ведущих пропаганду новой мировой войны. В дни, когда голос всего прогрессивного человечества открыто и мужественно объявлял о готовности до конца отстаивать дело мира и демократии, мракобес Сартр старался очернить участников Конгресса.

У всего передового человечества литературная и политическая деятельность Сартра может вызвать лишь чувство глубочайшего презрения.

Е. ШАТИЛОВ.